

Тамерлан / продолжение

Category: Kitapcy, Taryhy proza

написано kitapcy | 24 января, 2025

Тамерлан / продолжение 11.

На узких улочках кишлака барласовцев редкое оживление: по ним герои-пастухи, гонят “вражеский” табун... Среди погонщиков лошадей – знакомые туркмены...

– Идут! Идут! – слышится отовсюду.

На улочки выбегают люди и, конечно, в первую очередь дети.

– Едут! Едут!

К заборам устремились женщины, пожилые и девушки; из-за заборов их головы напоминают головки подсолнухов.

Обмениваются свежей информацией старухи:

– Говорят, вражья стрела сразила Долона сына Эренжена.

– А сражение возглавил сын Торгая.

– Тимур?

– Да, он. Вот тебе и мальчишка!

Какой-то молодой человек выкрикивает: “Хвала Тимуру!” “Хвала барласовцам!”, его одергивает пожилой мужчина: – “Тихо! Придержи язык за зубами – тебя слышат!” – он кивает в сторону человека, который действительно с болезненной подозрительностью глядит на них.

А между тем по ту сторону глиняного забора происходит вот что. К Тимуру подъезжает Чеку, говорит:

– Ах, как на тебя смотрит Жамбы!

– Какая из них Жамбы?

– Ты не в состоянии отличить среди обыкновенных камешков прекрасный лал!...

Но и без подсказки приятеля Тимур – а он довольно резко своей статью, излучающей ауру настоящего богатыря-молдца, выделяется среди своих товарищей...

– Ну-ка, мигом отсюда! – отстраняет от стены девушек некая дородная тетенька. – Марш! Марш!...

Все (также весело) отпрянули от забора в глубину двора. Кроме одной, очаровательной Жамбы, которая, не в силах скрыть свои чувства, смотрит на уходящий вглубь улочки табун, вернее, на одного из погонщиков – на Тимура. Тот также как бы под гипнозом глаз девушки оборачивается. На какое-то мгновение их взгляды встречаются. Впервые. И такое впечатление, что для них это самое сладостное, чарующее мгновенье...

– Какие у нее прелести – у меня текут слюнки! – говорит Чеку.

Тимур оборачивается, однако за забором уже никого нет.

– Не забывай, что этот замечательный лал специально богатые родители готовили для... Долона... А может быть для Саллеха...

– Закрой свою пасть шакал! – говорит Тимур и с нарочитой серьезностью бьет приятеля камчой по спине...

– Ой! Ой! Убивают лучшего джигита из барласовцев! – в тон подыгрывает Тимуру Чеку, разумеется, ничуть не обидевшись.

А там вдали по-прежнему слышаться (постепенно, правда, затухая) ликующее: "Едут!" "Едут!"...

12.

Тимур, Чеку и другие барласовцы.

Чеку преподносит Тимуру мешочек с монетами:

– Это плата за лошадей...

Тимур долго перебирает в ладонях монеты, внимательно, явно размышляя, смотрит в глаза Чеку, смеется. Следом смеется и Чеку. Но вот оба как бы разом умолкают и Тимур спрашивает тихо:

– Что делать с... этим?

– Тебе, Тимур, половина, остальное... поровну! – моментально приходит в себя Чеку.

Воцаряется напряженное молчание, которое, опять же тихо, выговаривая казалось бы каждый слог в слове, прерывает Тимур:

– Все – для всех! Каждому поровну!...

И смотрит в глаза поочередно каждому...

13.

Панорама гор постепенно переходит в панораму предгорий, чем-то напоминающую холмогорья, а те в свою очередь, в степь, покрытую каменистой почвой и скудной растительностью.

А вот и оазис – по обеим сторонам реки – террасы, густо заросшие деревьями, кустами шиповника, барбариса, разнотравьем... В зарослях едва приметна тропа – по ней, что-то напевая себе под нос, едет... Чеку. Чеку явно доволен собой, останавливает коня, говорит себе:

– Ты молодец, Чеку Барлас! Никто лучше тебя не умеет так ловко натянуть тетиву на лук! А орудовать саблей!? Где она, родная? Ага, вот она! – Чеку тут же, не сходя с седла коня, проделывает несколько взмахов саблей, похваливает себя: – Вот так! Ай, да, Чеку! Ну и ловок же ты! Тебе бы еще и невесту... такую, как... эта Жамбы... Ах, какое у нее личико! А эти... – вдруг испуганно обрывает он фразу, останавливает коня, прислушивается...

Где-то неподалеку слышаться мужские голоса. Чеку привязывает коня за ветвь дерева, незаметно сходит с тропы, ловко крадется среди деревьев. И не напрасно, ибо вскоре на одной из полян он видит небольшую, из 4-6 человек, группу взрослых мужчин из своего кишлака. Нетрудно догадаться, что речь идет о чем-то тайном и, безусловно, серьезном...

– Кто сказал, что это он повелел угнать табун?! – спрашивает, горячась один из них.

- Об этом знают все, – огрызнулся второй.
- А мы кто!? – вопрошает, еще более горячась, первый.
- Да, кто? – поддерживает третий. – Мы братья Долону или... безмозглые сурки?
- А кто этот... Тимур! – не теряет прежнюю инициативу первый...
- Собака, которую родила навозная куча – вот кто!...
- Он убил Долона. Об этом говорят всюду. Позор нам!
- Смерть ему!
- Но может быть его предать суду? Нашему, барласовскому?
- Что наш, что шариатский суд – одно и то же...
- Что!? – в гневе вскакивает на ноги первый.
- Мы, братья Долона, мы главы племени и решение за нами...
- Смерть! Всему роду Торгая.
- Смерть! Сегодня же!
- Они хотят всех нас, барласовцев, взять в руки.
- Все за это решение? Кто против пусть покинет нас...

Заговорщики молча остаются на месте. Чеку бесшумно покидает свой “наблюдательный пост”: на цыпочках удаляется...

14.

А вот он уже мчится по заросшей тропе, огибая неровности рельефа... мчится по степи, подгоняя коня камчой...

15.

Двор Торгая, отца Тимура. Длинная пристройка типа конюшни. Тимур, очевидно, только что приехавший откуда-то, расседлывает

своего коня. Входит взволнованный Чеку:

– Смотри, у меня трясутся руки и я не в силах натянуть даже тетиву лука! Кто скажет, увидев сейчас меня, что я лучший... э... воин-барласовец! Я не в состоянии вытащить саблю из-за пояса! Я развалина, чтоб мой язык отсох, прежде, чем молвит слово...

– Довольно! – обрывает резко и вместе с тем дружески Тимур – Дело не в твоём языке – выкладывай.

Чеку просит Тимура наклонить к нему ухо.

– Здесь нет никого, кроме нас. Выкладывай!

– Беда! – наконец-то решается говорить Чеку.

Тимур принимает серьёзный, насколько это возможно, вид, машинально подставляет ухо.

– Тебя, хотят... того... – Чеку Барлас проводит острием ладони себе по горлу.

– Кто?

– Известно кто – братья, дядья Долона, – Вот эти глаза видели, а этими ушами я слышал... Только что...

Тимур мгновенно преображается, лицо его становится озабоченным...

– Они придут... ночью... но ты не отчаивайся... Я с тобой!...

Чеку входит в свою роль:

– Я их! – но увидев на лице Тимура нечто тревожное, умолкает – Что делать? Может быть пока не поздно, махнуть отсюда... В Кеш?, Самарканд?...

– Нет! Нет! Что случится, того не миновать... пусть приходят – я встречу их!

– Я с тобой! Ты хотел сказать “мы встретим”!

– Спасибо, друг! А сейчас за работу! Видишь, в углу куча попон – неси их к лежаку! – командует Тимур и после небольшого раздумья говорит то ли Чеку, то ли себе: – Подумаем, как встретить достойно гостей...

16.

Тимур с Чеку готовят действительно достойную встречу гостей. В духе современных заокеанских боевиков: там и сям упрятаны луки, сабли и др. На лежаке с помощью седел, попон, одеял и др. сооружена кукла – чем-то весьма отдаленно напоминающая спящего человека, ну, и т.д.; определены “огневые точки” – словом, двор обращен в боевой полигон. Правда, тщательно замаскированный...

– Ночь обещает привести хорошую луну, – это говорит Чеку.

– С помощью Аллаха, – а это Тимур.

– Одного боюсь, – заявляет Чеку, – в опасности твой отец, мать...

– Их нет дома.

– Как бы вот здесь у меня, – показывает на живот, – не выстрелило преждевременно.

– Смотри, не вспугни! – смеется Тимур.

17.

С момента угона камарадинового табуна минуло не более одной недели, поэтому картина ночного неба почти не изменилась:

Наверху – почти полнолуние, по краям горизонта – там и сям мелькают звездочки. То – есть стоит типичная для Центральной Азии ночь, достойная пера изысканного придворного поэта... Разница лишь в том, что мы ее, ночную картину, несколько раньше наблюдали в степи, а сейчас она висит таинственным мистическим занавесом над барласовским кишлаком. И не просто над кишлаком – а конкретно над двором Тимура.

А вот и сам Тимур – пара настороженных глаз внимательно из-за щели между двумя жердями оглядывают двор. А вот и его верный приятель Чеку Барлас. Он также в засаде, в некоем закутке между двумя готовыми к бою луками. Чеку Барлас, как ни в чем не бывало, позевывает, отстукивает дробь на животе... Если взглянуть на прицел одного из луков, то можно увидеть в 7-10 метрах от него лежанку со спящим человеком. Но мы-то по предыдущему эпизоду знаем, что это вовсе не спящий человек, а кукла – приманка...

Секунда – другая посвящена стрекотанью цикад... и теням от предметов во дворе.

Но, чу! Что это? На крыше появляется часть человеческого силуэта, рядом – еще, еще, еще... Пара глаз заметалась в щели между жердями. Чеку Барлас, снова зевнув, застывает с открытым ртом... Один, два...

– Восьмером! – шепчет Чеку Барлас.

И начинается! Двое, ступая на цыпочках, подходят к лежанке. Кукла, приводимая в движение Тимуром веревкой, действительно создает иллюзию ворочающегося во сне человека. Незнакомец из всей силы намерен проткнуть «спящего» и уже делает взмах, ухватившись обеими руками за рукоятку сабли, но... пущенная Чеку Барласом стрела в этот миг пронизывает его насквозь – тот ничком падает наземь. То же происходит и со вторым...

– Засада! – кричит третий, наконец-то сообразив.

Он бросается с саблей на Чеку Барласа. Из укрытия выскакивает Тимур.

– Нужен Тимур – вот я – получайте! – восклицает он, бросившись в гущу сражающихся, придя на помощь приятелю.

Но вот повержен третий. Четвертый... пятый... Он демонстрирует подлинное искусство владения саблей. Тимур с помощью приятеля одолевает и шестого... седьмого... Последний, наверняка юноша,

пытаясь одолеть забор, неловко падает, в ужасе закрыв глаза...

– Пощадим? – спрашивает разгоряченный Чеку Барлас.

На секунду – другую кажется, что так и будет: Тимур, конечно, пощадит врага, который продолжает сидеть у забора, всхлипывая. Он отбрасывает в сторону саблю, но... просит повелительно у Чеку Барласа... лук со стрелой.

– Он отпрыск Эренжена – нет им пощады!

Тимур натягивает тетиву... стрела вонзается в грудь юноши.

Все.

– Куда их! – Чеку Барлас показывает на лежащие там и сям трупы.

– Никуда!

– Останутся до утра?

– А ты как думаешь?

18.

Тот же двор на следующее утро заполнен почти на половину людьми. Это – преимущественно пожилые и более того мужчины. У дверей дома – хозяева: отец Тимура по имени Торгай, сам Тимур, 2-3 его приятеля, в числе их, разумеется, и Чеку Барлас, Сардар и еще один, запомнившийся нам по предыдущим эпизодам.

Речь держит, как и положено, отец Тимура:

– Вот трупы. Взгляните, люди, они лежат там, где их души унеслись в небо по воле Аллаха!

– Не по воле Аллаха, а по воле молодчиков, тех, кто стоит рядом с тобой, Торгай.

– Кто это говорит?

Из толпы высовывает голову мужчина:

– Ну, я – и что?

– Никто тебя не станет осуждать: твои слова верны. Более того, скажу откровенно: слушайте, барласовцы! У этого молодчика, который отправил души детей досточтимого Эренжена в небо, есть имя – вот он!

И тут неожиданно ситуация круто меняется. Тимур стоит, как бы возвышаясь над другими, мимо него, прижимая к груди руку и как бы выражая с ним и солидарность, и нечто большее (похожее на официальное признание его лидерства), проходят барласовцы... С этого момента Тимур еще больше (а ведь со времени первой встречи минула едва ли неделя!) становится похожим (конечно, не вполне) на того Тимура, образ которого сохранила нам история.

19

– Т-с-с! – Чеку Барлас прикладывает палец к губам.

Тимур со своим приятелем пробираются сквозь заросли к реке.

– Любуйся! Ай, да Чеку Барлас: все знает, все видит! – чмокает губами приятель. Тимур потрясен. Дело в том, что на мелководье реки, за густыми зарослями облепихи, купается... Жамбы! Купается весело, как и положено девушке лет 14-15, в нижнем белье до пят, купается, что-то напевая. Чеку Барлас в своей характерной только ему манере, делает попытку сказать что-то по этому поводу скабрзное, но под резко осуждающим взглядом Тимура мгновенно осекся:

– Я ухожу!... Я ничего не видел! – говорит он, отступая.

Однако для Тимура такого рода покаяние явно недостаточно – он процеживает сквозь зубы:

– Вон!

Ветви зарослей за Чеку Барласом сомкнулись, его рядом как и не было. И тогда Тимур, не в силах подавить в себе нахлынувшие чувства, продолжает наблюдение за купальщицей. Жамбы, немного чисто по-женски покувыркавшись в воде и оглядевшись на всякий случай вокруг, выходит на бережок... раздевается... выжимает белье, раскладывает его едва ли не перед носом Тимура...

Перед Тимуром – невероятное зрелище: он впервые видит перед собой женские прелести. И кого? Любимой, правда, пока тайно любимой, девушки однозначно очаровательной, редкой красоты... Жамбы, заметив Тимура, вскрикнула, поспешно закрылась сухим платьем. Реакция Тимура необычна. Он ее, казалось бы, привлекает к себе, гладит по лицу, но тут вдруг резко преображается, отталкивает её от себя, перед тем больно, «влепив» 2-3 пощечины, бросается прочь...

20.

Небольшой совет молодых барласовцев. Тимур протягивает одному из своих сверстников, Омару, свиток:

– Ты у нас, Омар, самый грамотный – прочти, что здесь написано, да погромче!

– Но ты – грамотей похлеще нас! – как бы возражая, берет свиток Омар.

– Читай! – говорит Тимур тихо и властно.

Омар разворачивает свиток, читает:

– “Тимуру сыну Торгая, племяннику Ходжи Барласа и всем барласовцам от Камардина, доблестного сына Джаледина. Всем известно, что твоему поступку может позавидовать шакал, который своим порождением обязан злему человеконенавистному Иблису...”

Омар смущен, обращается, к Тимуру:

– Читать дальше?

– Читай!

– Нечего выслушивать эту выжившую из ума лису, – говорит с искренним возмущением аргасовец по имени Саид, – Он хуже Иблиса.

– Дай мне бумагу – я подотру ею свою задницу, – говорит Чеку.

Все смеются.

Но не таков Тимур – он голосом властным приказывает:

– Это неспроста. Читай дальше. Что предлагает Камарадин?

Омар продолжает:

– Он пишет: “ Если ты считаешь иначе, предлагаю тремя сотнями с моей стороны и тремя сотнями, с твоей, встретиться на извилине Красной реки... и справедливый Аллах нас рассудит...”.

– Вот соль послания! – восклицает Тимур. – Когда он предлагает встретиться?

– Через десять дней ровно... В полдень...

– Да, лиса, но мы хитрее, – молвит Тимур. – Омар пиши:” Я принимаю твой вызов. Готовь своих триста зайцев – мои соколы с трудом сдерживают крылья... Пусть Аллах нас рассудит. Тимур сын Торгая”

– Все? – спрашивает Омар.

– Зовите его гонцов?

Двое выбегают, вводят гонцов Камарадина. Им протягивают бумагу с ответом.

Тимур, как и положено верховоду, повелительно дает знак рукой:

– Езжайте. Да не споткнитесь по пути!

Гонцы уходят. Тимур спрашивает:

- Три сотни... Сможем ли набрать такое количество воинов?
- Если уговорим в Кеше всех, кто умеет держать в руках оружие,
– говорит Омар. – Поищем достойных воинов – они есть и в окрестных стойбищах.
- Это невозможно.
- Сотни – две у нас будут точно, – говорит сверстник по имени Закиридин.
- Достаточно... – говорит Тимур. – Надо помнить о трех вещах: Аллах не с ним, а с нами, мы соколы – они зайцы и мы сразимся не в назначенный день, в полдень, а раньше. Мы постараемся застать их врасплох...
- А как же насчет честного сражения? – удивлен Омар.
- Да, да. Мы должны сдержать слово, – вторит другой.

Воцаряется долгая пауза, которую прерывает опять же Тимур. Он говорит медленно, но продумав каждое слово:

- Честных или не честных сражений не бывает. Бывают либо победы, либо поражения!...

21.

Внизу у подножья холма – лагерь Камарадина. Кое-где шатры, кое-где скучкованы лошади, люди... На вершине холма затаился Тимур с двумя своими сторонниками.

- Они здесь с утра, – говорит Тимур.
- Вскоре расседлают коней, – вступает в разговор Сардар.
- Тогда и начнем, – молвит Тимур и, повернувшись произносит не без иронии. – Но, возможно, я не прав и надо дождаться до завтрашнего полдня:
- Нет, нет, – отвечает тот поспешно, стараясь не заметить

иронии, – до заката солнца сражение должно быть закончено... – Ты, прав, Тимур.

– Что ж, Сардар, Я думаю, твое предложение разумно, – говорит Тимур и соратники его понимают, что в данном случае речь идет не о “предложении” Сардара, а о тактике самого Тимура. – Тебе, Сардар, со своей сотней и начинать. Тебе, Закиритдин, идти слева, я – справа... Пойдем уступом...

22

Как и в прошлый раз, Тимур застаёт противника врасплох. Шумы (выкрики людей, лязг стали, ржание лошадей, падение тел на землю, стоны и т. п.), характерные для сражения. Сотни стрел, жужжащих в воздухе смертоносными пчелами... В гуще рубится Тимур, неподалеку – его верный Чеку... Рубится изо всех сил и Камарадин, выкрикивая что-то воинственное, к нему пробираются соратники, один из которых выкрикивает:

– Камарадин, сюда!

Через минуту – другую его сотни почти разгромлены, Камарадин и буквально единицы из бывшего, правда, небольшого “войска” бегут прочь... Мчатся по кособоку... Камарадин резко тормозит коня – тот едва не становится на дыбы. Останавливаются и другие войны и только теперь мы видим в глазах Камарадина слезы. То – слезы, казалось, ребенка, которому обещанную только – что игрушку передали другому ребенку... Но – это и слезы человека, безусловно, не слабого, более того, несмотря на неудачу, все еще не потерявшего мужество и надежду. Он вытирает рукавом глаза, всматривается машинально в небо – там, казалось, где-то глубина неба вобрала иные чувства иных людей – сторонников Тимура, выплеснувшись в победных выкриках...

23.

Достаточно долго длится ликование победителей. Тимур не скрывает своего удовлетворения, ибо эта по сути первая настоящая победа в его военной биографии.

А вот он спустя несколько дней, в толпе ликующих молодых воинов, с большим усилием сдерживая радость, принимает хвалу в честь победы, в свой адрес. Тут же неподалеку неунывающий Чеку в кругу приятелей.

– Он – ко мне с саблей – орет: “Я сейчас проткну твое пузо, проклятый барласовец!” Я ему:” А ты видел, что у меня находится ниже пуза?”

Чеку расстегивает штаны, показывает... детородный член! Это еще более усиливает хохот... Но взмах руки, будто обрубает веселье...

– К нам гости, – говорит Тимур воинам.

Воины расступаются, к Тимуру подъезжает небольшая группа гонцов.

– Высокочтимому Тимуру сыну Торгая я привез привет от великого Казангана, – произносит глава группы.

– Я рад любому доброму слову великого повелителя Мавераннахра.

– И еще письмо...

– Письмо?

Гости мнутя.

– Мы не уверены, что послание представит интерес и вашим... несомненно... доблестным воинам...

Намек, более чем прозрачный, правильно понят Тимуром. Он без слов вместе с гостями выезжает из толпы и, отъехав к берегу, кстати, обрывистому, горному, спешивается с коня. То же проделывает и один из гостей.

– Тебе шлет письмо высокочтимый Хаджи Барлас, – гость протягивает на большой свиток.

– Что нужно дяде от меня? – молвит Тимур, читает, лицо его сияет, читает вслух: “...великий повелитель Казанган восхищен

твоей победой и пожелал видеть тебя на своей службе в качестве соратника и даже тысячника!... Для нас, барласовцев, это равносильно милости Аллаха...” Езжайте, передайте дяде Хаджи: я рад вести! – говорит порывисто он, ловко садясь на своего коня, громко подзывает к себе своих приятелей: Закиридин! Сауд! Тюмень! Чеку!..

Перед ним выстраивается ровно десять молодцеватых ребят его возраста – глаза их полны ожиданием и надеждой.

– Отныне я тысячник, – заявляет Тимур.

– У этого... караунасца Казангана... – как всегда в своем духе вклинивается в разговор Чеку.

– Повелителя Мавеннахара Казангана. А тебе советую уподобиться не сороке, а соколу!...

– Молчу! Молчу!

– Что это означает? – продолжает Тимур. – Это значит, что с сегодняшнего дня вы мои сотники! Мы все поступаем на службу к Казангану!

Новость мигом преображает сверстников: они как бы становятся более собранными, такое впечатление, что они только теперь почувствовали себя настоящими мужчинами.

24.

Город Кеш.

Заутренняя молитва.

Среди молящихся – Тимур. Он стоит рядом с дядей, Хаджи Барласом тут же неподалеку, расположились молодые незнакомые люди.

Мы застаем молитву. Естественно, в конце ее люди расходятся. Тимур и Хаджи Барлас идут рядом. Говорит чаще Хаджи Барлас. Тимур, как и полагается племяннику, весь – внимание...

– Истинно: ты, т.е. я хочу сказать «мы», должны быть благодарны эмиру Казангану за столь милостивое предложение, но...

Тут Хаджи Барлас, почуяв, что к их разговору прислушивается какой-то человек, осекается, берет за плечи племянника, отводит его в сторону и через секунду – другую продолжает:

– Здесь у каждого камня есть ухо. Посторонним знать о наших семейных делах не обязательно – или я не прав?

– Вы правы, дядя.

– Так что хотел я сказать?

– Мы должны быть благодарны эмиру Казангану, но...

– Но... должны помнить, – он опасливо озирается, – эмир – северянин, караунасовец, мы же – барласовцы – южане... Кеш спокон веков наш...

С ними раскланялся какой-то, судя по внешнему виду, знатный человек. Хаджи Барлас заметил, что это вызвало интерес племянника:

– Это Байан Сулдус...

– Южанин? Северянин?

– Не то и не другое, но он ближе к нам...

Неподалеку в группе молодых людей человек что-то выкрикивал, размахивая рукой:

– Это кто?

– А-а-а... Это Саллех, сын покойного Боролдоя... Попрошайка! Всё канючил, выпрашивал у эмира тумень отца, а этот ему – огрызок кости со стола... Ха-ха-ха... Но... нет более опасных врагов, чем монголы... Они... этот Туглук Тимур спит и видит себя на троне Мавераннахра!...

– Зачем вы мне обо всем этом говорите, дядя?

Хаджи Барлас несколько обескуражен:

– Зачем? Для сведения... Считай, что пошутил. Конечно, нет смысла забивать всем этим голову... Выкинь, выбрось... А теперь куда?

– Пойду познакомлюсь со своей тысячей.

– Это дело, – говорит, все еще не совсем уверенно Хаджи Барлас, – Ах, да, совсем забыл о главном! Тимур, у нас был разговор с эмиром. Знаешь, что он задумал? – Хаджи Барлас расплывается казалось бы в искренне весёлой улыбке. – Он намерен выдать за тебя свою внучку... Айджал!

– Айджал!? – вырывается невольно у Тимура.

– Ты недоволен?

– Что вы, дядя! Воля эмира – воля Аллаха. Я рад!...

– А теперь можешь идти к своей тысяче! А меня ждет человек. Байан Сулдус с пронзительной улыбкой смотрит в их сторону... Хаджи Барлас также, улыбаясь, направляется к нему...

Между тем последняя весть озадачивает Тимура – он мысленно уходит в прошлое:... Заросли речной поймы... Он держит за плечи полуголюю... Жамбы. Та вырывается, выкрикивает: «Уходи! Уходи!...» – Он: «..У тебя вид шлюхи! Шлюха!..» – Она: «Уходи! Убийца! Убийца!..» Он бьет еще, еще, еще по лицу... Жамбы падает, не в силах прикрыть оголенное до пояса тело... И вдруг слышится за спиной:

– Ассалом алейкум!

Тимур оборачивается – перед ним – франтовато одетый, улыбчивый молодой человек повторяет:

– Ассалом алейкум! Я внук эмира. Меня зовут Хусейн. А тебя я знаю, ты новый тысячник деда... Тебя зовут...

– Меня зовут Тимур.

– Ты барласовец – и это мне известно. Ты мне нравишься. Я хочу, чтобы ты стал мне хорошим другом – согласен?..

– Я сделаю всё, чтобы удержать твое дружеское расположение ко мне.

– Ты чем владеешь лучше – луком или саблей? – не унимается Хусейн.

– Саблей, – честно признается Тимур.

– Ты волнуешься перед сражениями?

– Да, волнуюсь.

– Ты любитель мясного?

– Я ем в меру.

– Что значит «в меру»? Сможешь переесть кочевника? – смеется Хусейн. – Ты ведь потомок кочевников.

– Мой отец Торгай родился в Кеше, – Тимур пытается изо всех сил упрятать свое недоумение по поводу столь необычного тестирования.

– Ну, и что? Я тоже родился в Кеше, а не прочь обурдять аппетитное ребрышко... а теперь скажи честно, что ты больше любишь – женщин или охоту?

Впервые Тимур озадачен: кто этот Хусейн – шутник или идиот? Жуир или хитрый дипломат, ловко умеющий завлечь в сети неопытного человека?

– А если я предложу тебе, – он что-то шепчет панибратски Тимуру на ухо. Хохоchet. Следом – то ли искренно, то ли подыгрывая, – смеется и Тимур.

Начало ноября.

На охоте.

Верхом на конях во главе с Хусейном молодые люди из элитарных кругов Мавераннараха, в основном военные. Среди них, по правую руку с Хусейном – и Тимур.

Гон, судя по шумам, приближается.

– Понял: саблей владеешь хорошо. Но говорят и лук в твоих руках поет, не хуже струн рубаба, – говорит не без некоего лукавства Хусейн Тимуру. – Может быть сыграешь?

– Попробую, – Тимур вытаскивает из колчана стрелу, прикладывает ее к тетиве.

– Тебе приходилось участвовать в такой охоте? – интересуется Хусейн.

– В такой нет.

– Сейчас из-за тех деревьев появятся газели – смотри, не проморгай!

За беседой Хусейна с Тимуром в сторонке наблюдают трое молодых людей. Среди них – известный нам Саллех, сын Боролдоя.

– Щебечут, как влюбленные птички, – провоцирует Саллеха один из его приятелей.

– Ничего не могу сказать по поводу птички с зелеными крылышками, – отвечает резко Саллех, имея в виду Хусейна, облаченного в ярко-зеленый чапан. – А вот птичка с красным оперением... Говорят, он – откровенный убийца... Долона, сына Эреджена.

В это время из-за деревьев появляется первая небольшая группка газелей.

– Первый выстрел за тобой, Хусейн, – подсказывает молодой

человек, стоящий по другую сторону от Хусейна.

Но тот отказывается, говорит искренно:

– Первый выстрел предоставляется моему другу... тысячнику Тимуру сыну Торгая.

В группировке Саллеха по-своему реагируют на предложение Хусейна.

– Сегодня... тысячник... – говорит Саллех.

– Все идет к тому, что завтра караунасец... эмир Казарган... подарит... тумень, твоего отца...

– Молчи! – едва не взрывается Саллех.

А между тем газели, как будто бы специально, заметив напротив большую группу охотников во главе с Хусейном, замедляют бег.

– Ну! – командует Хусейн.

Тимур натягивает лук – со свистом пущена и пораженная газель падает оземь.

Охотников охватывает азарт: свистят между деревьями стрелы – падает еще газель, еще, еще... Однако на этом не заканчивается охота – всадники устремляются в погоню.

– Вперед! – кричит Хусейн.

– Вперед! – раздается там и сям.

Неожиданно, просвистев мимо уха Тимура, стрела вонзается в ствол одного из деревьев. Тимур, не раздумывая, осадил коня. Подъезжает к дереву, разглядывает ствол дерева со стрелой, не без труда вытаскивает ее. (так глубоко она врезалась в дерево). Подъезжает тут же к нему Хусейн.

– Ну, что?

– Хочу понять, какой газели была предназначена эта стрела, –

отвечает Тимур.

– Вот так всегда в нашем славном Мавераннахре, – смеется Хусейн. – Впрочем ты убедишься в этом сам, – продолжает он и зовет к себе охотников.

Те – тут как тут. На разгоряченных конях. Человек не менее 15-20.

– Тут мы с моим другом ломаем голову над задачей. Говори, Тимур.

Тимур показывает стрелу.

– А задача вот такая: какой газели была предназначена эта стрела?

Панорама лиц – монголоидные и европеоидные, безусые и усатые, носатые и с носами пуговкой – все улыбчивые, дружелюбные. Такое впечатление, что, конечно же, не один из них не имеет отношения к загадочной “газели”. Лишь на миг останавливается взгляд Тимура на Саллехе, сыне Боролдоя, после чего Тимур опускает стрелу в свой колчан, говорит:

– Нам не к лицу разбрасываться добром.

– Ты хочешь сказать, что мы, мавераннахрцы, нищие? – бросает Хусейн.

– Напротив, я хочу сказать, что мы, мавераннахрцы, владеем несметными богатствами. Но свое богатство мы должны оберегать своими руками.

Все смеются, делая вид, что им непонятен “эзопов” язык тысячника.

– А сейчас – в шатры! – командует Хусейн.

26.

В лесу – несколько вызывающе – красивых шатров. В центре –

шатер Хусейна. Хусейн вальяжен, сидит полулежа на атласных подушках, рядом с ним Тимур. На дастархане яства. Мужчины вдвоем.

– Давай-ка поговорим по душам.

– Насколько помню, мы с тобой говорили только о насущном.

– Мне нравится твоя искренность... Я давно хотел сказать что мне опротивели и Кеш, и Самарканд...

– ?!

– Здесь мы все – да! да! – мы все подобны “газели”, той самой, которой была предназначена стрела. Не понимаю отца: он просто бредит... Самаркандом! Мечтает перенести столицу из Кеша в Самарканд! Уговаривает деда.

– Разве, плохо?

– Как! – едва ли не подскакивает с подушек Хусейн, – разве не ясно, что это не понравится многим...

– Кому?

– Прежде всего – буду откровенен с тобой – твоему дяде, его друзьям – сулдуцам, южанам... барласовцам – тебе это не о чем не говорит?

– Я барласовец – и я буду с тобой откровенен: Кеш – родной город, а Самарканд я люблю больше...

– Но что об этом скажут монголы... этот Туглук Тимур... Боюсь, что это ему на руку!

Тимур молчит.

– Тебе сказать нечего? Почему не спрашиваешь, что мне по душе?

– Спрашиваю – что?

– Есть места покойнее Кеша и Самарканда... Кабул, Кундуз...Балх...

Попрошусь у деда – надеюсь, не откажет... Однако довольно! – Хусейн хлопает в ладоши.

Выбегают из-за ширмы девушки, убирают достархан, исчезают. А затем Хусейн говорит, переходя от одной темы к другой, словно перепрыгивая через пропасть:

– Охоту ты любишь – это я видел, а вот как обстоит с женщинами?

Хусейн дает команду, хлопая в ладоши. В шатер выплывает группа из трех – девушек-танцовщиц. Девушки танцуют.

Хусейн не скрывает своего удовлетворения.

– Ну, как?

Тимур молчит.

Девушки продолжают танец, который содержит немало эротических элементов.

– Ну, как? – снова интересуется Хусейн.

И снова Тимур молчит. Улыбается Хусейн, подмигивая лукаво Тимуру.

В голове у Тимура – недавняя панорама охотников. Искренне дружелюбные лица. И тут – взгляд Саллеха...

– Саллех!

– Ты вспомнил Саллеха – отчего? – Хусейн с недоумением взглянул на Тимура, – Оставим в покое этого... Саллеха. Поговорим о приятном...

27.

Горд Кеш. Центральная, наиболее оживленная часть города. Толпа расступается, пропуская к дворцу эмира Казангана с пышной свитой. Впереди верхом на великолепном белом коне эмир, по обе

стороны и позади и тоже верхом на конях важные сановники. Рядом – Абдаллах с сыном Хусейном, неподалеку от них Тимур... Где-то в конце свиты – Саллех с друзьями. Вдоль следования кавалькады толпы народа, воины.

Вот – группа горожан.

– Который из них эмир? – спрашивает один из них.

– Неужели трудно узнать?

– Ага, понятно: тот на белом коне.

– Рядом с ним – Абдаллах, сын эмира...

Кланяются.

– Когда приблизятся, крикнем: "Хвала эмиру!"

А вот группа воинов.

– Смотри! Смотри! Вон тот на вороном – кто он? – спрашивает один воин другого. – Кто в красном чапане?

– Новый тысячник. Тимур сын Торгая.

– Откуда он?

– Наш. Барласовец.

В конце кавалькады Саллех с товарищами.

– Высоко однако поднял этого выскочку – барласовца эмир, – подначивает Саллеха сосед.

– Впереди темников поставил. А ведь такой же тысячник, как и мы, – говорит другой.

– Не забывайте он теперь зять эмира, – говорит сквозь зубы Саллех.

– Еще не зять, говорят, еще Айджал не въехала в его дом...

А вот сам эмир, не поворачивая головы, говорит Абдаллаху:

– Мой сын, что видят твои глаза, что слышат уши?

Абдаллах, не в силах скрыть радость и не задумываясь, отвечает:

– Народ любит своего эмира, отец.

Этот короткий диалог слышит Хусейн, незаметно принимает позицию рядом с Тимуром:

– Ты мог бы выразить одним словом все это? – он окидывает взглядом толпу.

Тимур задумывается.

– Триумф... власти. Это триумф великого Казангана. Твоего деда,
– отвечает он.

– Ты осторожен в своих суждениях, – смеется Хусейн.

– Что по-твоему? – спрашивает Тимур.

– А мне это напоминает... охоту на газелей... Меня не покидает ощущение, что мы все охотники и... газели.

– Дорогу великому эмиру! – во всю стараются всадники, размахивая плетками и таким образом выравнивая путь кавалькаде к величественному дворцу.

28.

Женская половина дома Тимура, вернее “женская половина” – понятие достаточно условное. Более верно назвать это помещение “женской половиной в будущем”. В этом помещении идет полным ходом подготовка Айджал к первой встрече ее с Тимуром теперь уже супругом. Две молоденькие женщины колдуют над ее внешностью, подводят ее к зеркалу. Айджал смущенно рассматривает себя.

– Ах, вы очаровательны, госпожа! – искренне восхищается первая.

– Вы так красивы! Так красивы! – щебечет другая.

– Какие глаза! Уста какие! Они подобны прелести лучших самаркандских роз! – не унимается первая.

Женщины заговорщицки переглядываются:

– Госпожа, мы обязаны покинуть вас. Вы останетесь одни.

Женщины подводят Айджал к креслу рядом с супружеским ложем. Перед ней – замечательной красоты столик, на котором поставлены все положенные для этой встречи яства, а чуточку в сторонке – серебряный кумган, тазик, полотенце... После этого женщины удаляются. Айджал действительно остается одна. Но не надолго. Ее чуткий слух улавливает за дверью... шаги. Двери открываются – в проеме появляется Тимур в праздничном одеянии. Подходит к ней – Айджал встает, кланяется, но затем растерянно молодые взирают друг на друга. Первым приходит в себя Тимур, косит, вспомнив о свадебном этикете, на кумган с тазиком. Айджал улавливает это, берет (но неловко) кумган, потом, после того, как Тимур ритуально ополоснул руки, подает полотенце. Закончив своеобразное омовение, Тимур садится напротив и неожиданно смеется:

– Вам так смешно?

– Великодушно простите, но я вас... представлял другой.

– Какой именно?

Тимур подходит к Айджал, снимает с головы ее высокую конусообразную шляпу, бросает ее о пол, помогает сойти ей с возвышения и тогда обнаруживается такая картина: небольшого роста с россыпью волос Айджал и довольно атлетического сложения Тимур, который после небольшой паузы, принимается за осуществление супружеского стриптиза. Одно за другим отбрасываются пышные предметы женского туалета и тогда перед

Тимуром предстает не только небольшого роста, но и вообще хрупкая девочка.

– У вас маленькие, как у горлинки, грудки, – говорит полуобнаженный Тимур, – Как вы полагаете, кто я?

Айджал закрыла глаза, прошептала, вытирая слезы:

– Вы мой супруг.

– Пока нет, но сейчас я стану им, – говорит Тимур, берет в охапку Айджал, бросает ее на красиво обставленное ложе, прижавшись к ней, добавляет:

– Вам предстоит родить мне сына...

29.

Супружеское ложе.

Айджал лежит с открытыми глазами. Тимур бредит, мечется во сне: «Где сабля?... Где сотники?», Айджал тормозит – и это не та девочка, которая нынешней ночью впервые познала радости супружеской жизни. Тимур просыпается...

– Вы бредили, звали во сне своих сотников...

Тимур не ответил, закрыл глаза, пытаясь заснуть.

– Я хочу спросить вас о другом...

– ?

– У меня действительно маленькие... груди – женщина с маленькими грудками не в состоянии родить здорового ребенка!?

Только теперь доходит до сознания Тимура суть состояния молодой женщины. Он просыпается:

– Что с вами!? Что еще!?

– Я вам не нравлюсь? Может быть, – продолжает она не без

иронии, – вам уже сейчас привести в дом... вторую жену... с большими грудями...

Тимур выходит из себя:

– Послушайте, вы, внучка эмира, запомните: не вы, а я супруг, и мне решать, когда мне приводить... вторую жену!

Айджал вздрагивает – настолько в неожиданном свете обнаружил себя муж. Плачет.

Мгновенно преображается и Тимур, гладит по волосам жену, говорит:

– Успокойтесь, мы с вами супруги, а это означает, что у нас есть право на шутку.

30.

Но, нет, Тимур не из тех, кто шутит!

Обширный, замкнутый со всех сторон казармоподобный двор. Идет тренировка по фехтованию саблей, на другой половине двора отрабатывают умение стрелять из лука. Это – и есть воины тысячи Тимура. Отсюда – характерные шумы: выкрики, смех, лязг металла и т.п. Т.е. примерно то, что можно услышать и сейчас в современных спортивных залах. На одном из возвышений Тимур – он наблюдает за своими подчиненными. Особенно заметен сотник... Чеку.

– Как держишь саблю!? В твоих руках сабля как палочка в руках козопаса! Это не воины, а козопасы! Берите пример с... меня! – Чеку размахивает саблей, – Ну-ка, ты, – обращается к одному из своих воинов – тот, помявшись, делает выпад, но Чеку ловко отражает удар, а затем проделывает некий трюк, после чего воин вдруг оказывается... спиной к нему, Чеку. Чеку смеется:

– Мне остается дать тебе под зад!...

И на самом деле «дает под зад тому». Хохот.

На другой половине, как говорилось выше, стреляют в мишени.

А вот еще одно, подстать современному тестированию, учение. Сотник спрашивает:

– Что должен иметь воин в походе?

Отовсюду сыпятся ответы:

– Пилки для точки стрел.

– Шило, иголку...

– Бурдюк и т.д.

Тимур подходит к группе, говорит коротко Чеку:

– Ты мне нужен.

Тот немедленно следует за тысячником. То же происходит с сотником Сардаром. Идут втроем по открытой с одной стороны галерее... Taryhy proza